

33. ИВАН-МОЖЖЕВЕЛЬНИК

Из моего школьного дневника:

31 июля 1963 года

Падают листья с берез, чернеют вспаханные поля, зреют яблоки в садах. Осень близко, последний год учебы, а там...

"Мне надоело читать книги, читаю без интереса, абы только провести время". Это я услышал от Ивана сегодня на работе, мы сушили на току зерно. Неужели его не волновала сила товарищества в "Коллегах"? Он не трепетал над судьбой Давыдова? Не восхищался подвигом Космодемьянской, подвигами героев-краснодонцев? Страшно, он не знает этих святых чувств.

"Я не буду вступать в комсомол. В воскресенье пойду к баптистам", — продолжает. "И на колени станешь?!" — "Посижу, посмотрю, а если надоест, уйду."

Ему все надоело: и книги, и кино, и сама жизнь. Почему? Ведь это очень-очень серьезно. Бороться надо с этим мрачным чувством. Ему скоро шестнадцать, а он устал от жизни. Почему получилось так у нас, в советском государстве? Как его спасти? И каковы причины такого настроения? Иван сказал, что причина — важное событие в его семье. А какое, так и не сказал, как я ни расспрашивал.

1 августа 1963 года

Работал опять вместе с Иваном. Слушал мрачный бред: "Комсомол — обман, КПСС — тоже. На свете нет правды, все ложь, лицемерие."

Это меня задело по-настоящему. Он комсомол считает обманом? "Ты читаешь газеты?" — спрашиваю. "Нет, в этом году еще ни одной не прочитал". — "И ты ничего не знаешь, что происходит сейчас в мире: о ратификации Договора, об отношениях СССР с Китаем, о землетрясении в Скопле?!" — "А что, разве тебе не все равно, что где происходит?" — "Да, не все равно нам, комсомольцам!"

Он послушал мое горячее объяснение, продолжал: "Я ничего никому не делаю, никого не трогаю. Не трогайте и вы меня. Я честно буду работать, больше ничего человеку не надо. А если буду сильно мешать вам, застрелюсь."

27 октября 1963 года.

Спорили с Иваном у нас в хате. Когда он стал лаять о том, что наш дорогой Никита Сергеевич ничего не делает, а только путешествует, я чуть не прогнал его. Дураком все-таки обозвал. Он не только дурак, он — подлец, если так говорит о Хрущеве. Он — жадина, кулак, баян у него не выпросишь. Ненавижу собственников!”

Иван был моложе меня на год, одноклассник моего младшего брата Коли. С раннего детства мы дружили втроем. Сошлись потому, что дружили наши отцы. Вечерами и по воскресеньям отцы ходили друг к другу, играли в шашки, иногда выпивали. Рядом с ними в детских забавах возилась наша троица.

Какими были белорусские дети конца пятидесятых и начала шестидесятых, видно из моего дневника. Документ свидетельствует, что дети были патриотами Родины. Я не стал править отроческий дневник с целью откреститься от себя тогдашнего. Это было бы нечестно, непрофессионально. Я был типичное дитя времени. Иван же был не типичным.

С пятого класса мы ходили в школу с ведром. Один-два осенних месяца школьники работали в колхозе (иногда и весной). Уборка картофеля, свеклы, моркови, капусты возлагалась на детей. Белорусские деревни на протяжении двух послевоенных десятилетий были многолюдны, рабочих рук хватало. Но взрослые не желали работать за копейки, колхоз использовал бесплатный детский труд. Рабский труд.

Не забывается, как ныла спина, как болели руки, как ждал обеда. В поле в большом котле женщины варили щи. Съев по большому куску жирной свинины, мы дотягивали до конца дня. Подъезжал грузовик, мы радостно лезли в кузов и, держась друг за дружку, пели в дороге о том, как по долинам и по взгорьям шла дивизия вперед, либо о том, как сотня юных бойцов из буденновских войск на разведку в поля собиралась, либо о том, как шел отряд по берегу, шел издалека, впереди шел Щорс, эх, красный командир полка...

Под вечер мы втроем, Иван, Коля и я, шли из Подкраич в наш Горск. Четыре километра лесом. Колхозный грузовик подвозил детей-рабов только к Подкраичской семилетней школе, дальше, в окрестные деревни, они добирались сами. Шагает наш отрядик с ведрами на плече — и никакого единства в его рядах. Крик на весь лес. Иван заявил, что красные командиры довели людей до бедности, а мы, Коля и я, о них горланам дурацкие песни, он, Иван, никогда о бандитах петь не будет.

Иван был первый, кто пошатнул мой личный идеологический скелет, слепленный умелой государственной пропагандой. Мы вели яростный

политический спор. Наша дружба чередовалась с войной. Детская привязанность не отпускала нас друг от друга, и тем неотвратимее надвигалась юношеская вражда.

В пятнадцать лет Иван выделялся среди сверстников. Ростом не высокий, но широкоплечий и сильный, на спор мог плавать без отдыха два часа. Лыка надирал самую большую вязанку. Летом подростки окучивали колхозный картофель, Иван демонстрировал силу, поднимая тяжелый плуг-окучник. Возле Ивановой хаты росла роскошная груша, грушки падали наивкуснейшие, допроситься у Ивана было невозможно. "Свою посади", — говорил. И смачно ел сам. Если скажешь "куркуль" — бил в лицо без предупреждения, беспощадно. Его баян был шикарнейший, немецкий, мой — невзрачный отечественный. Просишь-просишь поиграть — не дает. А даст — стоит рядом, стережет.

Среди послевоенной подростковой массы Иван был один некомпсомолец, хорохорился этим. Вроде вместе с нами, но — отшельник. Был колючий, нервный. Спор с ним обычно превращался в драку. Чаще всего дрались с одной стороны Иван, с другой стороны я и брат. Вдвоем мы одолевали противника. Иван пошел на хитрость. Подкупил моего брата спичечными наклейками, большой ценностью. Я проехал на велосипеде десятки километров по шоссе Брест-Москва, приглядываясь к обочине, куда из машин выбрасывали пустые спичечные коробки. Вот образец собирательства! Иван дал собранных наклеек Коле, заманил в коалицию против меня. Пришлось переманивать Колю удвоенным количеством наклеек.

Однажды в мирный период дружбы мы втроем отправились охотиться на гадюк. Их водилось в лесу предостаточно (в семидесятых, после осушения болот — исчезли). Считалось молодецкой удачей, а также полезным делом уничтожать ползучих гадов. Две гадюки выследили, убили палками. Сели отдохнуть на лесной дорожке, разделяющей старый сосновый лес и лес молоденький, самосейный, там березки, сосенки, кустики можжевельника (*ядлоуца*). С можжевельником мы развлекались тем, что поджигали его. Огненным столбом мгновенно делались вот такие кустики, молодые, густые, там внутри скопились сухие иголки, вспыхивающие как порох.

"Пойду подпалю", — сказал я. "Не надо!" — со злостью остановил Иван. "Ты чего?" — "Это мой ядловец!" — "Ха-ха-ха, Колька, ты слышал: его ядловец?" — "Говорю: не трожь!" — "Ты что, посадил его?" — "Это моя земля, деда моего, понял!" — "Кулаков больше нет!" Я подбежал к можжевельнику, чиркнул спичкой, сунул внутрь, услышал треск пламени и ослеп от удара кулаком в переносицу.

Мы не заметили, как молниеносно сгорел можжевельник. Мы дрались: двое против одного. Это был наш последний и решительный бой, после него прекратилась дружба, кончилось детство. Ссорьтесь, друзья, даже деритесь, только не делайте выводов. Так написал в дневнике Михаил Пришвин, будучи мудрым старцем. Но мы были юные максималисты, поэтому выводы — сделали. Через годы я обязан уточнить: юным был поджигатель можжевельника, собственник можжевельника по социальному возрасту находился далеко впереди.

Две недели я ходил с распухшим носом, не понимая, за что пострадал столь серьезно. Конечно, я знал, что молоденький лес, возле которого мы сели отдохнуть, в Горске называли СУХАРОВКА, по деревенскому прозвищу деда Ивана — Сухарко. При Польше Сухарко купил кусок земли, выпестовал, передал в наследство сыну. В 1949 году в Горске возник колхоз, отобрал чужое поле, попользовался, забросил. На бывшем поле поднимался лес, разрывая связь хозяина и собственной земли. Я не представлял, насколько сильна эта связь и что она продолжает существовать в друге-враге Иване — в его ненависти к красным командирам и прочим комсомольцам, в том числе ко мне, вольному отпрыску безземельной семьи.

Там, где почти сорок лет назад сгорел подоженный мною Иванов можжевельник, ныне стоит-шумит сосново-березовый лес. Если прислушаться, то услышишь человеческие голоса, перенесешься в пятидесятые годы, в зимний вечер, увидишь хату стародавнего товарища, где горит керосиновая лампа, а Иван слушает рассказ отца о том, сколько заплатил дед Сухарко польскому помещику за землю, сколько навоза и труда вложил, какую прибыль имел, какие товары и новости привозил из Пружан и Варшавы, как мечтал прикупить еще земли для внука. С детства в Ивана вливалась семейная тоска об утраченной собственности, лепила его личный скелет, вживляла в Сухаровку, как тот можжевельник.

Эти березы и сосны старые люди в Горске продолжают называть: Сухаровка. Молодые и приезжие зовут: лес. Безымянный лес представляется мне кошмаром, как безымянная деревня, безымянная страна. Местная топонимика, увековечившая в природе имена собственников, свидетельствует, что до 1939 года, до воссоединения Беларуси, каждый клочок земли вокруг Горска принадлежал хозяину, давал человеку работу и хлеб, предоставляя возможность выразить и утвердить "Я".

После окончания школы мы покинули родную деревню. Иван поступил в Минский физкультурный институт. Проучился год и был отчислен за то, что в студенческом общежитии взял чужую вещь.

Глупый поступок, раскаяние подтолкнули Ивана на истинный путь, начатый дедом Сухарко. Этот путь был предначертан семейным воспитанием, семейной жаждой собственного дела. Это называют предпринимательской жилкой. Высказывают предположение, что существует ген предпринимательства, передающийся от поколения к поколению. Верю безоговорочно! Сей ген разбил мне нос.

Исключенный из института Иван избрал единственно верный путь — на север. В конце шестидесятых бизнес-ген мог быть реализованным только двумя способами. Первый — воровской. Второй — мускульный, то есть северный, тяжелый, честный, справедливо вознаграждаемый. Поработав несколько лет на стройках севера, Иван поначалу купил редкую по тем временам вещь — машину. Машина нужна была как моральная компенсация за неудачу в институте. После Иван заработал на квартиру в Минске, на обстановку, на жену и двоих детей.

Обустроив быт, Иван начал копить стартовый капитал для бизнеса. Этому способствовала горбачевская Перестройка, посулившая "пережиткам капитализма" общественное признание. Но многолетнего психологического дискомфорта не выдержало сердце. Иван умер, чуть-чуть перешагнув сорокалетие. Не успел убедиться, что смысл жизни заключается в самой жизни. Не узнал, что такое любить свою страну. Внешние препятствия, нагроможденные на пути "Я", оказались убийственными. Впрочем, у кого их меньше?

Компанейский отец Ивана стал молчаливым суровым стариком. Когда я пожал ему руку, выразил сочувствие в связи с потерей сына, он поблагодарил, устало молвил: "Помню, как вы бились. И что вы не поделили?" — "Родину", — ответил я, понимая, что ответ нужен не ему, а мне. Мы с Иваном родились в деревне, в которой соперничали две родины: СССР и Западная Белоруссия. Вот и бились: то ли они за нас, то ли мы за них.

Бой у западного можжевельника продолжается. Здесь еще живы те, кто, даже будучи загнанным в конце сороковых в колхоз, слышит обнадеживающий шепот именных берез и сосен, а в молчуне-можжевельнике видит себя. Белорусы-западники — полуколхозники. На востоке Беларуси, обезличенном колхозом на двадцать лет раньше, поля и леса ничьи: собственники поумирали, наследники отчаялись. Белорусы-восточники — полные колхозники.

В 1988-м в Пинском районе убили колхозного специалиста. Западно-белорусский крестьянин защищал огородную теплицу, которую с топором в руках пришел ломать восточно-советский спец. Первый был представлен обществу как мерзкий кулак, второй — как защитник родины. Первый кормил

полстраны ранними огурцами и помидорами, выращенными на собственной земле, второй опустошил колхозную землю до такой степени, что она грозит голодом.

Западная и восточная половинки Беларуси не склеиваются.

Неделю мы с коллегой-журналистом колесили по району, выслушивая тепличников и колхозных вожаков. Крестьяне хотели выращивать то, что имеет спрос, приносит прибыль. Вожак заставлял их за копейки гнуться над свеклой на осушенном торфянике (в итоге — ни свеклы, ни торфа). Тепличники не угостили нас ни огурчиком, ни яблочком, а председатели демонстрировали гостеприимность. Мой коллега сделал вывод: куркулей нужно давить. Коллега был восточным белорусом, был способен отдать нуждающемуся последнюю рубашку. Чтобы вместо одного голодранца стало два. Чтобы соединить Беларусь в голытьбе и изолировать от запада новым железным занавесом.

Но Беларусь — не соединяется.

В 1999 году западные регионы собрали урожай, опять на порядок превышающий урожай восточных регионов. 60-летний юбилей воссоединения подоспел кстати. Уместный был повод произнести здравицу в честь неприживляемости Западной Белоруссии к колхозной мертвечине, задуматься над причинами несовместимости, передать детям Ивана унаследованную собственность — Сухаровку. Нет же! Повезли слабых от бескормицы коров и телят из восточной Беларуси в западную.

Да здравствует воссоединение крупного рогатого скота!

1999